

Илья Муромец и сын (2)

Ездил Илья Муромец, розгуливал и нашол себе невесту и с ей пожил.
Паленица была удалая.

Он прижил с ей сына или дочь. Когда стали они с ей расставаться, она сказала ему, что она стала беременна. «Вот, — говорит, — если ты беременна, если родится дочь, на тебе перестень золотой, именной; если сын — на тебе крест золотой, именной».

Илья уехал на старое место. Дело пришло — она родила сына. Сына родила, имя дала ему Сокольник. Вот он и растет, этот сын. Прошел год, два, три, четыре, — может, пять. Стал этот сынок у них порядочный. Вот там — восемь годов, десеть: стал знать всё. А парень был удалый. Ребята стали драться между собой, его дразнили: «Ты сколодной!» Ему это не по нраву. Вот приходит он к матери и говорит: «Вот, никого не зовут сколодным, а меня зовут! Есть, нет ли у меня отец кто?» А она сказала: «Есть». — «А кто такой есть отец у меня?» — «Есть у тебя отец — Илья Муровець, старый козак». — «А где он проживаёт?» — «В городе в Киеве».

Вот он собрался: «Дай мне, мама, коня и всё вооружение: латы боғатырские» (сам двенадцати лет), «также палицу боевую, меч, копьё и коня!» Вот это вооружение она не давала ему. «А если ты добром не дашь, то силою возьму!» Вот, значит, она не могла его удержать. «Я, — говорит, — поеду, убью Илью Муровьця». Ну вот, тут он и собрался. И вот там неизвестно из какого села

Снарежался он скорёхонько,
Сподоблялся скоре тово,
Выходил на конюшен двор,

Выводил себе добра́ ко́ница,
Накладывал седёлышко черкасьское,
Двенадцеть подпружечек подпрёгивал,
Сам этим подпружечкам приговаривал:
«Это не для басы — ради крепости,
Ради крепости бо́гатырскойей!»
Тут много людей собиралось
Смотреть поездку бо́гатырскую.
Не видели бо́гатырской поездецки —
Только видели: Сокольник в стремена́ скочил.
Тут долго ли, скоро Сокольник ехал до Киева,
Подъехал Сокольник к Киеву.
И объезжает Сокольник кругом Киева,
И выбрасыва́т Сокольник своё копеицько:
Вострым концом на Киев-град,
А тупым концом к себе.
А сам копьё приговарива́т:
«Старого седатого Илью Муровьця убью
И весь Киев-град розорю!»

Во то время, во ту пору ихней братии был бо́гатырь. *(Мы их называем станицники.)* Вот из их, из станицников, приходит в бело́й шатер и говорит таково́ слово́:

«Не пора ли нам, робятушка, вставать,
И не пора ли нам, робятушка, завтракать?
И есь у нас во полюшки невзгодушка!
Кому же итти и ехати
Невзгодушку попроведати?»
Надо же ехать Олёшеньке Поповичу очередь.
Но Олёшеньке Поповичу невзгодушка великая:
Не съехаться ему, не поздороваться —
Пропаде́т у Олёшеньки буйна го́лова не за денежку!
То́гда надо послать Добрынюшку Микитича:
Тот может сойтись и съехаться, и поздороваться,
И розознать, на кого эта невзгодушка налета́т!
(А мать-то ему рассказала всё, какого кто поведения.)
Вот Добрынюшка Микитич снарежался скорёхонько,
Снарежался скорее того,
Выходил Добрынюшка на конюшен двор,

Выводил Добрынюшка добра́ ко́ница,
И вот накладывал седёлышко черкасьское,
Садилса Добрынюшка на добра́ коня́,
И выезжал Добрынюшка на цисто́ полё.
И видит Добрынюшка: едет Сокольнице́к-розбойнице́к!
Слезывал Добрынюшка с добра́ коня́,
И брал Добрынюшка пухову́ шляпу в пра́ву руку,
А коня́ — в леву́ руку;
Тут-то Добрынюшка низко кланелса:
«Здравствуй же, удалой доброй молодец,
Гостенёк ты неожиданной!»

А то́гда Сокольнице́к-розбойнице́к ему́ отвечал:

«Вы кто такие есть? Добрыня Микитич или кто такие?» *(Ему уже кажется, что Добрыня Микитич.)* — «Да, — он говорит, — Добрыня Микитич». — «Вы, — говорит, — Добрыня Микитич, мне не нужны! А нужен мне старый, горбатый, седатый тарый козак Илья Муровец. Я его убью и Киев-град розорю!»

То́гда Добрынюшка Микитич накладывал пухову шляпу и заскакивал на добра́ коня́. И поехал в стольный Киев-град обратно. И заходит к станицникам. «Ну, товарищи-братья! Я Сокольнику-разбойнику не нужен! Надо Сокольнику-разбойничку старый, седатый старый козак Илья Муровец. „Я старого козака Илью Муромца убью и Киев-град розорю!“»

То́гда-то у Илеюшки сердце розгорелосе,
Могуции плечи расходилисе.
Срежалса Илеюшко скорёхонько,
Выходил Илеюшко на конюшен двор,
Выводил Илеюшко добра́ ко́ница,
Накладывал Илеюшко седёлушко черкасьское,
Да двенадцеть подпружечек подпругивал,
Сам подпружечкам приговаривал.
Тринадцату подпружечку протягивал через спину лошадиную.
И это не для басы — ради крепости,
Ради крепости бо́гатырскойей!

Много людей собиралосе
Смотреть поездку боғатырскую.
Не видели поездочки боғатырскойей,
Только видели: Илеюшко в стремена́ скоцил.
(Молодой стал, как я!)
Не две горы́ во полюшки сокаталась,
Не два молодца́ удалых соезжалось —
Вот тут они бились-дрались суточки трое
Вбстрыми ко́пьями.
Кбпеица по носадоцкам извихалисе —
А тем боём друг дружку не ранили!
Бились они, дрались суточек трое вбстрыма саблями.
Сабелка о сабелку прищербалися —
В том бою друг дружку не ранили!
И бились они, дрались боёвыми палочками.
Палочка о палочку окорналися —
И друг дружку не ранили!
Тогда соскоцили с дббрых ко́ницков,
Схватилися они в охабоцку на рукопашный бой.
Тогда-то у Илеюшки права ножецка приокати́лась,
А лева руценька приоколь[з]ну́лась —
Тогда-то пал Илеюшко на сыру́ землю́,
И тогда-то въехал Сокольник-розбойник на Илеюшку;
Въехал на Илеюшку и сел на белы́ груды́,
И стал расстёгивать булатные застёжечки:
Хочет пороть белую грудь,
Вымать ретивó сердё.
Видит Илеюшко — видно, конец приходит!
И взмолился Илеюшко Пресветой Матери Божией Боғородицы:
«Гой еси, Мать Пресветá Божья Боғородица!
Смерть мне во поле была не писана —
А теперь мне-ка смёрточка приходит верно!»
А Сокольник-розбойник хватилса —
В ножнях булатного ножика нет!
Потенул Сокольник Илеюшку по чисту полю́.
(Потянул, розыскивает ножик-то!)
А Илеюшко тогда почувствовал в себе, что силы у его прибыло.
Розмахнулса он своима белыма руками —
Слетел Сокольник-розбойник с белбй груды́!

Выскакивал Илеюшко то́гда на резвы́ ноги,
(Верно, Пресвета Бо́городица ему силу прибавила!)
И клал он Сокольника добросовестно на сыру землю.
То́гда-то и садилса Илеюшко Сокольнику на белую грудь
И стал спрашивать:

«Откуда ты, удалый добрый молодец?
Коёй ты земли́, коёй родины?
Коёго отца, коёй матери,
Какого ты цяря, какого города?»

А Сокольницец отвечал:
«Кабы я сидел у тебя на белых грудях —
Не спрашивал бы ни отца, ни матери,
Ни цяря, ни города!»

Вот то́гда-то Илеюшко стал ростёгивать застёжечки булатные:
Хотел пороть белую грудь,
Вынимать ретиво́ сердё.
Ростегнул застёжечки булатные —
И увидел свой крест именно́й!

То́гда-то Илеюшко признал, что сын его, и заплакал: «Ах, милое мое цядо!
На что ты напускашь
на старика?» Поставил его на резвы ноги, поцеловал на́ три стороны́. И вот
то́гда сели, посидели
и посоветывали. То́гда-то Илеюшко поставил белой шатёр и насыпал коням
бело́йровой
пшеницы, а сам повалился в шатёр спать.

Вот Илеюшко то́гда заснул — после такой битвы — крепким сном
бо́гатырским. А Сокольнику-
розбойнику не спитса. Сокольницец встал, сел на коня и отправилса домой.

Едет к дому очень грусен, печален; а мать уж там дежурит его. Вышла на
балхо́н, стретает
его и говорит: «Ох ты сыночек! Што же ты невесёлый едешь, побил, видно,
ты отца-родителя?»

Этот Сокольницец подъехал к балхону да вострым копьём вlepил в мати в
белую грудь, да вы́знул,
да бросил о землю. А то́гда Сокольницец повернул коня обратно и снова в
стольней
Киев-град.

Приехал к белу́ шатру́, а Илья всё спит сном богатырским.

Тогда зашел Сокольник Илеюшки во шатёр. Видит, што спит Илеюшко крепким сном богатырским.

Взял вострым копьем да в белую грудь и всадил! А тогда у его под латами был крест золотой,

который был подарён князем Владимиром, двадцать восемь фунтов. Вот тогда-то

проснулса Илеюшко от крепкого сна и вскочил на резвы́ ноги́. Схватил Сокольника за резвые ноги,

тут его и розорвал!

(Зап. А. М. Астаховой 13 июля 1928 г.: д. Малые Нисогоры Лешуконского р-на — от Поздякова Ивана Ивановича, 57 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.